

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 297.18

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ КОРАНА В XX ВЕКЕ:
КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

А.А. Долинина

Аннотация

В статье сопоставляются принципы, положенные в основу пяти полных русских переводов Корана, сделанных с оригинала в течение XX века. Выявлено, что: 1) перевод И.Ю. Крачковского отличается филологической точностью и соответствием исторической эпохе, он сохраняет ценность и по сей день; 2) М.-Н.О. Османов стремился к ясности текста Священной книги мусульман; 3) Б.Я. Шидфар пыталась точно передать не только фактическую сторону, но и художественные особенности Корана; 4) стихотворные переложения В.М. Пороховой и Т.А. Шумовского искажают текст Корана со всех точек зрения. В заключение приводится пять образцов перевода суры 101 «ал-Кари'а».

Ключевые слова: Коран, перевод, тафсир, сура, аят.

Как известно, ислам не рекомендует переводить Священную книгу: ровень со Словом Божиим не может стать никакая другая речь. Тем не менее история переводов Корана насчитывает более десяти веков. Первые переводы подавались как толкования и разъяснения, откуда возник существующий поныне термин «перевод смыслов Корана» (*тарджумат ма'ани-л-Кур'ан*), по сути дела санкционирующий появление многочисленных переводов его на многие языки мусульманских и немусульманских народов.

Разумеется, со временем подход к переводу неоднократно менялся, но мы отнюдь не собираемся излагать здесь историю коранических переводов. Её можно найти в приложении к переводу Корана И.Ю. Крачковского (конспективно) и в богатой информацией книге Е.А. Резвана «Коран и его мир» [1]. Мы сознательно ограничиваем свой материал полными русскими переводами, сделанными непосредственно с подлинника в XX в., оставляя в стороне переводы отдельных сур, которые могут оказаться случайными, а также переводы на другие языки, создавая недостаточность своей компетенции для их анализа. Что же касается временного ограничения (XX век), то оно объясняется не только субъективным пристрастием (автор всё же человек XX века!), но и объективными причинами.

Неоднократно говорилось и писалось, что XX век – это век переводов. П.А. Грязневич чётко определил новую ситуацию: оценивая работу того или иного арабиста, в XIX в. ставили вопрос *что он издал*, в XX в. – *что он перевёл*

[2, с. 16]. Можно составить длинный список памятников, переведённых учёными-арабистами у нас и в Европе именно в XX в. Кстати, все важнейшие европейские переводы Корана, базирующиеся на научных основаниях, выполнены как раз в XX в.:

- *Bell R.* The Quran, translated with a critical rearrangement of the Surahs. I–II. – Edinburgh, 1939;
- Le Coran, traduction nouvelle par R. Blachère. I–II. – Paris, 1949–1950;
- *Arberry A.J.* The Koran interpreted. I–II. – N. Y., 1955;
- Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М., 1963;
- *Paret R.* Der Koran: Übersetzung. – Stuttgart, 1966.

В этом списке перевод И.Ю. Крачковского (I) должен был бы занимать первое (по времени) место: он был начат в 1921 г. и завершён (вчерне) в 1930 г. Но условия, создаваемые в СССР антирелигиозной пропагандой на государственном уровне, стали причиной того, что большая часть этой работы заведомо делалась, что называется, «в стол» и осталась неотредактированной автором¹. И за решение этой задачи, на тот момент бесперспективной, больше никто не брался.

Как известно, к 90-м годам XX столетия обстановка резко изменилась, появились переиздания перевода И.Ю. Крачковского, а также новые переводы – количество их продолжает расти и по сей день. Ограничиваясь, как было сказано, только XX веком и выбрав для рассмотрения только полные переводы, мы сконцентрируем внимание на пяти работах: помимо названного уже перевода И.Ю. Крачковского это переводы М.-Н.О. Османова, Б.Я. Шидфар, В.М. Пороховой и Т.А. Шумовского.

Нередко задают вопрос: который из них лучше? Вопрос, разумеется, абстрактный и некорректный. Вернее было бы спросить: а почему они такие разные? Не анализируя конкретные аспекты передачи отдельных слов, выражений, образов и текста в целом, остановимся на принципах подхода к передаче коранического текста, на которых основываются переводчики.

Перевод И.Ю. Крачковского

Перевод Корана был задуман И.Ю. Крачковским в 1920 г. для издательства «Всемирная литература», созданного по инициативе А.М. Горького в первые послереволюционные годы и провозгласившего своей целью ознакомление широкого круга читателей с лучшими произведениями литературы Европы, Америки и Востока в новых переводах, выполненных на научной основе.

Коран не вошёл в план первоочередных изданий «Всемирной литературы» – Крачковский хорошо осознавал трудности того предприятия: «Соблазняет меня мысль о переводе Корана – и как-то жутко на ней остановиться» (Дневник, 9 мая 1920 г.) (II).

С 1921/22 учебного года он начинает в университете новый курс «Чтение Корана с научным комментарием», который и ведёт потом до конца своих университетских дней. В процессе подготовки и чтения курса Крачковский приступает

¹ В книге Е.А. Резвана «Коран и его мир» сказано, что издание перевода И.Ю. Крачковского «было отвергнуто крупным партийным функционером А.А. Ждановым» [1, с. 443]. Это явное недоразумение: в те времена А.А. Жданов был всего лишь секретарём Нижегородского губкома ВКП(б) и никакого отношения к идеологическому руководству не имел.

к переводу сур Корана в той последовательности, в какой читал их на занятиях, то есть в хронологическом порядке, начиная с сур первого периода (по классификации Нельдеке). 16 апреля 1922 г. он записывает в дневнике: «Писал... по мере лекций перевод Корана – закончил первый период» (III).

Уже к середине 20-х годов Крачковскому стало ясно, что в ближайшие годы (а может быть, вообще при жизни своей) он опубликовать перевод Корана не сможет по причинам, о которых упомянуто выше, но он продолжал работать над переводом и к 1930 г. его закончил.

Читавшийся им курс по Корану был рассчитан на один учебный год (по 2 часа занятий в неделю). Разумеется, за такое время прочесть со студентами весь текст Корана не было возможности. Обычно читались все ранние суры (поэтические), несколько сур рахманских и пророческих, иногда одна из мединских – так повторялось из года в год. Естественно, что перевод читавшихся и перечитывавшихся на занятиях сур в результате отделан лучше, а иные суры, особенно поздние, быть может, раз переведённые, так и лежали, дожидаясь лучших времён.

В 1963 г. благодаря титаническим усилиям вдовы Игнатия Юлиановича В.А. Крачковской (1884–1974) перевод с рабочим комментарием и приложениями (описание материалов И.Ю. Крачковского, использованных при подготовке издания, и несколько вариантов конспектов лекций по Корану) был издан Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» (2-е изд. – 1986 г.). Подготовили издание В.А. Крачковская и П.А. Грязневич под редакцией В.И. Беляева. Текст И.Ю. Крачковского был опубликован без изменений (если не считать исправления мелких опечаток и приведения к единообразию передачи имен собственных) как архивный материал, отражающий неотредактированный окончательно рабочий вариант перевода и комментария.

В предисловии, написанном к первому изданию В.И. Беляевым и П.А. Грязневичем, ко второму – П.А. Грязневичем, дана очень ёмкая характеристика как самого памятника, так и перевода И.Ю. Крачковского и его задач. К этим предисловиям мы и отсылаем читателей, особенно тех, которые, не давая себе труда как следует вникнуть в текст, видят в переводе И.Ю. Крачковского просто необработанный, наспех сделанный подстрочник (такие мнения нам не раз приходилось слышать и даже читать (см. (IV, с. 22–23)). В действительности же его работе над переводом предшествовали и сопутствовали изучение большого количества научной литературы и глубокие раздумья – поиски метода перевода. На принципах, которыми руководствовался И.Ю. Крачковский, мы считаем необходимым остановиться.

Подход И.Ю. Крачковского к Корану – это подход филологический в широком смысле слова. Его интересовал Коран в первую очередь как памятник арабской устной литературы, созданный в определённой среде в определённую эпоху с использованием приёмов словесного искусства, привычных в этой среде. Такой подход к переводу предполагает при истолковании текста Корана обращение прежде всего к самому тексту и к его широкому контексту – к языку, художественному творчеству и ораторскому искусству Аравии VII в., к религиозным верованиям, идеологическим исканиям, социальной психологии тогдашних жителей оседлых центров Аравии. Крачковский отказывается от традиционных толкований средневековых комментаторов, поскольку они отражают более позднее

понимание текста Корана. Он же ставит перед собой задачу воспроизвести памятник в том виде, в каком он предстал первым его слушателям.

Такая постановка задачи, безусловно, являлась новаторской, и не все её восприняли. Когда перевод И.Ю. Крачковского впервые увидел свет, он вызвал множество нареканий в тяжеловесности и непонятности, и недостатки эти связывали с недоработкой перевода. Однако здесь уместно задать вопрос: а был ли Коран полностью понятен его первым слушателям? Конечно, те или иные моменты, отражающие жизненные реалии, для слушателей-современников были ясны (что, кстати, оправдывало употребление эллиптических конструкций, иногда непонятных более поздним поколениям), но при этом нельзя забывать идеологическую сторону: ислам был направлен на искоренение привычных языческих представлений, так что наряду с хорошо знакомым многим в проповеди Мухаммада оказывалось чуждым и непонятным, как бы зачёркивающим знакомое и понятное.

Необходимо принять во внимание и особенности самой Священной Книги – её многоплановость, отсутствие стройной композиции, связного пересказа событий (как в книгах Ветхого Завета и Евангелий), последовательного изложения учения. Пророк произносил откровения, связанные с различными ситуациями, без какого бы то ни было плана. Коран содержит речи и проповеди, обличения неверных и увещевания уверовавших, обрядовые и юридические предписания, рассказы о древних народах и пророках, притчи, заклинания, угрозы, полемику с противниками.

Иногда текст нарочито затемнён, в нём встречаются устрашающие странные слова и образы, на которые подчёркнуто обращается внимание слушателей: «Сожгу Я его в сакаре! А что даст тебе знать, что такое сакар? Не оставляет он и не покидает – сжигатель кожи» (74:26–29). Заметим, что само по себе наличие в тексте подобных вопросов и пояснений, равно как и достаточно раннее появление необходимых комментариев к Корану, свидетельствует о том, что слова, произносимые Мухаммадом, далеко не всегда были понятны.

Позволим себе ещё одно замечание по поводу перевода И.Ю. Крачковского. Он не ставил перед собой цель передать ритмический строй текста и рифмы. Тем не менее ритм коранической прозы воссоздаётся лаконичностью перевода, тем, что Крачковский не добавлял в него лишних слов ради рифмы и ради большей понятности сказанного, как поступает большинство переводчиков, он сохранял некоторую недоговорённость, присутствующую в подлиннике. Особенно это заметно в ранних (эсхатологических) сурах, перевод которых лучше обработан. Наверное, при более тщательной авторской редакции эти свойства проступили бы более выпукло и в других сурах.

Но, несмотря на отсутствие окончательной обработки, значение перевода И.Ю. Крачковского велико. Об этом справедливо сказано П.А. Грязневичем в предисловии ко 2-му изданию: «Время показало, что эта публикация была обоснованной и принесла несомненную пользу нашей востоковедной науке. Научное значение её... определяется филологической точностью передачи арабского текста и новизной методического подхода... Этот перевод является и будет служить надёжной основой для всех будущих русских переводов Корана. Подход И.Ю. Крачковского к переводу сохраняет свою ценность по сей день как... единственный возможный путь к адекватному истолкованию памятника» [3, с. 10].

Аналогичного мнения придерживаются и другие современные отечественные исследователи Корана. Так, Е.А. Резван отмечает, что «по характеру подхода к тексту и филологической точности труд И.Ю. Крачковского превосходит не только все русские, но и многие европейские переводы» [1, с. 443].

М.Б. Пиотровский полностью солидарен с П.А. Грязневичем: «Перевод И.Ю. Крачковского является научным и в понимании текста исходит из самого Корана, а не из его более поздних комментариев. Последние, как неоднократно показывалось исследователями, дают связное и доходчивое истолкование истинного текста, но часто искажают (в разной степени) его начальный смысл» [4, с. 168].

Перевод М.-Н.О. Османова

Данный перевод оформлен как серьёзное научное издание. Он печатался под грифом Института востоковедения РАН в серии «Исламская библиотека», в редакционную коллегию которой входили такие известные учёные-востоковеды, как В.В. Наумкин, А.В. Сагадеев, В.Д. Ушаков, Д.В. Фролов и др. Ответственным редактором издания являлся В.Д. Ушаков; в редакционную коллегию тома среди прочих входил П.А. Грязневич, участвовавший в подготовке к печати перевода И.Ю. Крачковского.

Цель свою М.-Н.О. Османов формулирует чётко: «Возможно более полное и точное воссоздание арабского оригинала, приближение его к иноязычному читателю» [5, с. 5]. На первый взгляд – цель та же, что у его предшественника, как и у всякого переводчика иноязычного текста, но в формулировке Османова содержится указание на принципиальное отличие поставленной им задачи от целей Крачковского. Для последнего главное – аутентичность передачи текста Корана в филологическом смысле, у Османова об аутентичности речи нет, для него главное – приближение к читателю, то есть ясность и доходчивость смысла текста – но какого?

Османов подходит к Корану не как к памятнику определённой эпохи, возникшему в определённой среде, а как к Священной Книге мусульман на все времена, достоверность текста которой подтверждена надёжной традицией, и адресат его перевода – не учёные-филологи, а в первую очередь российские мусульмане, не знающие арабского языка.

Именно для понятности текста систематически вводятся добавления в скобках (а порой и без скобок) и даются подробные разъяснения в солидном комментарии, составленном при широком использовании авторитетных *тафсиров*² разного времени (в предисловии их перечислено 12, из которых 2 – шиитские) и известных европейских и персидских переводов.

Османов часто ссылается на Крачковского и не скрывает, что в комментариях многое заимствовал у него. Однако оценка, которую Османов даёт его переводу, показывает, что целей своего предшественника и истинного значения его работы он не понял. По словам Османова, перевод Крачковского был лишь «рабочим вариантом, одним из этапов фундаментальной разработки И.Ю. Крачковским

² *Тафсир* – толкование и комментирование аятов Корана, а также соответствующая исламская герменевтическая наука.

вопросов истории ислама»³ [5, с. 5]. Поэтому он делает вывод, что «извлечённая из архива незаконченная работа академика в полном соответствии с общим духом “периода застоя” послужила тормозом к дальнейшему изучению этого важнейшего памятника мировой культуры – Священного Писания мусульман» [5, с. 5].

Той цели, которую М.-Н.О. Османов поставил перед собой, он достиг, чему способствовал и русский язык перевода, избавленный как от излишней архаизации, так и от неуместных неологизмов. При этом для его перевода характерно полное невнимание к передаче художественной стороны подлинника, таких его параметров, как ритм, рифма, употребление созвучий и т. п. Налицо установка на чисто рациональное однозначное постижение проповеди Мухаммада без всякой заботы об эмоциональном воздействии Корана на читателя.

Перевод Б.Я. Шидфар

Перевод Корана был завершён Бетси Яковлевной Шидфар (1928–1993) незадолго до смерти и напечатан издательством «Умма» в 2003 г., как сказано в издательском предисловии, без существенных изменений: «в единичных случаях исправлялись явные неточности, убрать которые сам переводчик просто не успел» [6, с. 4].

Эта работа демонстрирует ещё один возможный подход к переводу Корана – подход литератора-переводчика, досконально знающего переводимое произведение, его литературные и внелитературные связи и чётко представляющего себе, какие, по его мнению, главные элементы подлинника должны быть отражены в переводе. Б.Я. Шидфар в послесловии формулирует свою задачу так: «Цель настоящего перевода – как можно точнее передать не только фактическую сторону, но и художественные особенности Священной Книги. Переводчик старался отразить краткость и вместе с тем ёмкость ярких образов, благодаря которым Коран стал школой ораторского и эпистолярного искусства для многих поколений мусульманских народов, даже не говорящих по-арабски» [7, с. 684–685].

Подчёркивая роль красноречия в арабской культурной традиции, Б.Я. Шидфар подходит к памятнику прежде всего под этим углом зрения, видя в Коране эталон, определяющий дальнейшее развитие арабского языка и литературного стиля. По её словам, это «вершина ритмической рифмованной прозы» [7, с. 684], «непревзойдённый образец... эмоциональной яркости» [7, с. 684], «самое красноречивое из всего, что было сказано на арабском языке» [7, с. 683].

Она не вдаётся в филологические тонкости, не выверяет скрупулёзно этимологические параметры слов, а поступает как современный квалифицированный переводчик художественной литературы, думающий не об учёном сообществе, а о читателе-неспециалисте, то есть при максимально бережном отношении к смыслу текста, стараясь ничего не опустить, но восполняя, где ей кажется необходимым, эллиптические конструкции (обычно это отмечается курсивом), создаёт текст, понятный русскоязычному читателю. Этой цели служат и примечания, явно рассчитанные на невостоковеда.

³ Известно, что И.Ю. Крачковский «фундаментальной разработкой вопросов истории ислама» не занимался, о чём он сам говорит в эссе «Испытание временем. Мысли к 45-летию научной работы» [8, с. 574–575].

Новаторство Б.Я. Шидфар состоит в том, что её перевод даёт возможность почувствовать красоту и эмоциональность коранической речи, тем самым позволяя глубже постичь содержание Священной Книги. При этом она ненавязчиво стилизует свой перевод Корана под перевод библейских текстов путём осторожного использования архаизированной лексики (*воззвал, взыскал, воздвиг, речение, деяние, стезя, сей, дабы* и т. п.) и некоторых синтаксических приёмов: повторения союза *и* в начале предложения («библейский» вид много-союзия), инверсии (в частности, постановки определения после определяемого) и т. п. И здесь ей никогда не изменяет чувство меры.

Б.Я. Шидфар объявляет себя решительным противником буквализма, «так как подобный принцип вовсе не является примером уважения к подлиннику, а, напротив, искажает и затемняет его, создавая ложное впечатление об оригинале» [7, с. 685].

В этой фразе – скрытый упрёк в адрес И.Ю. Крачковского, чей метод филологического перевода она категорически не приемлет. Характерно, что она и пример буквализма берёт именно из перевода И.Ю. Крачковского: *пучки снов* – так он передаёт словосочетание (12:44; 21:5) в значении ‘путаные или неясные сны’. Б.Я. Шидфар переводит это выражение как *бессвязные сновидения*, что понятно читателю без напряжения, однако при этом в жертву приносится яркий неожиданный образ (с её точки зрения, это меньшее зло).

Порой, как мы видели, жертвуя образами, Б.Я. Шидфар обязательной для себя считает попытку передать ритм и рифму Корана. Насколько нам известно, до неё ни один переводчик не ставил перед собой такой задачи, разве что при переводе отдельных сур, а не всей Книги целиком. В послесловии говорится об особенностях рифмовки Корана, достаточно примитивной: она чаще всего построена на постановке в конце *айатов* сходных грамматических форм. Так же поступает и переводчик: *Поведёт он их по правой стезе и даст спокойствие духа умиротворяющее (И введёт он их в Рай, о чём было им слово изъясняющее). О верующие, если поможете вы Аллаху, то и Он поможет вам, Он, стопы ваши Укрепляющий. А неверным на погибель будут их деяния, втуне пропадающие* (47:5–8).

Подобная рифмовка, порой с повторением одних и тех же рифм в пределах одной суры, играет и ритмообразующую роль, что не менее важно. Иногда ради сохранения ритма и рифмы Б.Я. Шидфар добавляет в свой текст отдельные слова и обороты, не нарушая при этом стилистического рисунка и не привнося дополнительных смыслов: *Они поклонялись мне в умилении* (12:4). *Поистине сатана – враг человека явно и без сомнения* (12:5). Иногда она изменяет структуру предложения: *Да будет твоя одежда покровом чистым* (74:4)⁴.

Передача рифмы не является для Шидфар самоцелью – образы и мысль важнее. Примером может служить перевод суры 97, где в конце первых трёх айатов стоят слова *ночь могущества* (в Коране – только в двух первых), а в последних двух айатах рифма дана лишь слабым намёком (...*каждое веление / ...заря утренняя*), зато и смысл, и образы переданы неукоснительно.

⁴ В подлиннике: *И одежды твои очисти!*

Переводы В.М. Пороховой и Т.А. Шумовского

XX век «обогастил» нас также двумя русскими стихотворными переложениями полного текста Корана, выполненными В.М. Пороховой и Т.А. Шумовским, причём оба автора претендуют на то, что это не переложения, не поэтические фантазии на коранические темы, а якобы переводы, точно передающие смысл подлинника [9, с. 21].

Это утверждение проблематично: даже если предположить, что оба переводчика – гении, которым под силу передать Коран русскими стихами без потерь, то, исходя из текста самого Корана, следует признать, что стихотворные переводы его вообще не должны иметь места: *Мы не учили его стихам, и не годится это для него. Это – только напоминание и ясный Коран (36:69); Поистине, это – слова посланника благородного! Это не слова поэта. Мало вы веруете! (69:40–41)*. Поэтом же называют Мухаммада лишь его противники (21:5; 37:35; 52:30).

Таким образом, переводить проповедь Мухаммада стихами – занятие явно богопротивное. Тем не менее, как значится на титулах обеих книг, они получили одобрение у мусульманских авторитетов⁵, поэтому от них нельзя отмахнуться как от неуместного курьёза, сомнительного по сути своей.

Оба переводчика обосновывают выбор стихотворной формы для своего перевода высокими поэтическими достоинствами Корана. По словам В. Пороховой, это «высокопафосный стих», «духовная симфония звучания» [9, с. 9, 15]. Ей вторит Т.А. Шумовский: «То, что откровения Священной Книги выражены поэтическим образом, облегчило им путь в сердце арабского народа, неравнодушного к изящной, но также и строгой поэзии» [10, с. 22–23]. Однако они забывают одну простую вещь: слова *стихотворный* и *поэтический* – не всегда синонимы. Так, «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева или «Слеза и улыбка» Дж.Х. Джебрана – подлинно поэтические произведения, хотя в них нет ни рифмы, ни стихотворного ритма.

И Порохова, и Шумовский претендуют на то, что их стихотворные «переводы» как раз и являются поэтическими. Но можно ли считать, что «эмоциональную и стилистическую приближённость к оригиналу» подарит читателю косноязычный пятистопный ямб В. Пороховой, пестрящий такими «перлами»: *Они же в небрежении воротят спины (21:1); Я не причастен вашему (греху) прочить другие божества Аллаху (6:78); Они вменяют милостью тебе, что приняли они ислам (49:17); Пусть принесет он нам Знамение (Господне), подобное тому, с которым слались первые (пророки) (21:5)*? Аналогичных примеров множество, но и приведённых вполне достаточно, чтобы увидеть: вирши В.М. Пороховой ассоциируются скорее с творениями Васисуалия Лоханкина из «Золотого телёнка» И. Ильфа и Е. Петрова, чем со Священной Книгой мусульман.

У Т.А. Шумовского «перевод» написан гладким четырёхстопным ямбом⁶, уложенным в длинные строки (как бы «восточные» двустишия с парной рифмой),

⁵ Перевод В. Пороховой «одобрен высочайшей комиссией Научно-исследовательской исламской академии ал-Азхар, Каир, № 42 от 22.03.1997 года» (титальный лист издания); перевод Т.А. Шумовского «одобрен Шейх-уль Исламом, Верховным муфтием, Председателем Центрального духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ Талгатом Тажудудином».

⁶ Это справедливо для большей части сур. В переложении некоторых ранних сур Т.А. Шумовский иногда использует и другие стихотворные размеры: хорей, амфибрахий и др., а также (изредка) дольники.

но это, пожалуй, единственная дань «восточной» поэзии. Привычный для русской поэзии размер вызывает к жизни соответствующие аллюзии, звучащие в данном контексте пародийно. Так, Аллах обращается к ангелам с *высокой думой на челе*, а те возносят ему хвалу *вдали от суетной молвы* (2:30); о грешниках сказано так: *над ними сумрачная бедность простёрла бледные крыла* (3:112)⁷; праведники *отвергли тусклый светоч и сладкий яд земных утех* (добавлено в скобках к 2:5). И «богатые средства русского языка», которыми гордится переводчик [10, с. 21], встречаются на страницах его перевода достаточно часто: *земная жизнь – игра и только, забавы в ней таится стать* (29:64); *Немало есть везде животных, какие в свой житейский час не создают себе питанья, Господь питает их и вас* (29:60); *при нём душа людская и человечье естество* (21:3)⁸.

В заключение приведём пять переводов выбранной наудачу суры 101 («ал-Кари‘а»):

Перевод И.Ю. Крачковского (I, с. 506):

*Поражающее! И что есть поражающее?
И что даст тебе знать, что такое поражающее?
В тот день, как люди будут, как разогнанные мотыльки,
и будут горы, как расчипанная шерсть...
И вот тот, у кого тяжелы весы, – он в жизни блаженной.
А у кого легки весы, – мать его – «пропасть».
А что даст тебе знать, что такое она? –
Огонь пылающий!*

Перевод М.-Н.О. Османова (V, с.395):

*Сокрушающая беда (т. е. Судный день)!
Что такое сокрушающая беда?
Откуда тебе знать, что такое сокрушающая беда?
[Это случится] в тот день, когда люди будут рассеяны, словно мотыльки,
когда горы станут [мягкими], словно расчёсанная шерсть.
Тогда тот, чья чаша [добрых деяний] перетягивает на весах,
будет благоденствовать,
тому же, чья чаша [добрых деяний] на весах окажется легче,
пристанищем будет [адская] пропасть.
Откуда тебе знать, что это такое?
[Это] – пылающий огонь.*

Перевод Б.Я. Шидфар (VI, с. 637):

*День поражающий.
Что за день поражающий?
Ведомо ли тебе, что есть День поражающий?
Когда люди будут, словно рой саранчи рассеянный,
Когда горы станут, словно клочки шерсти расчёсанной,
У кого перевесит чаша добра в День Воскресения,
Пребудет в блаженстве и наслаждении.
У кого будет легкой чаша добра в День Воскресения,*

⁷ Так и хочется продолжить по А.А. Блоку: «И не было ни дня, ни ночи, / А только – тень огромных крыл».

⁸ В Коране: человек, подобный вам.

*Станет матерью его бездна огненная.
А ведомо ли тебе, что есть бездна огненная?
Пламя жаркое, сжигающее.*

Перевод В.М. Пороховой (VII, с. 623):

*День бичевания –
Каков он – День (Господнего) Бича?
Что объяснит тебе, каков он – День Бича?
В тот День рассеются, подобно мотылькам, все люди,
Подобно паутинкам лёгкой шерсти повиснут горы.
И для того, чьи добрые деянья перевесят,
Жизнь уготована в прекрасном Рае, где он найдёт блаженство и покой.
Но тот, кто легковесен был в земных деяньях,
Найдёт убежище себе во Рву бездонном.
Как объяснить тебе, каков он, этот Ров?
Слепящим пламенем горит он!*

Перевод Т.А. Шумовского (IV, с. 514):

*О поражающее! В нём какое свойство?
Что есть оно, ты ведаешь едва ли.
В тот День людей обнимет беспокойство,
Как мотыльков, которых разогнали.
Тогда, что клочья шерсти, горы станут.
Кто взвесит больше – тот живи блаженно.
А у кого весы людей обманут,
Такому мать – пропасть, несомненно.
Что эта пропасть? Кто тебя научит?
Она – огонь, который жадно мучит.*

Не будем комментировать. Пусть читатель сам решит, почему эти переводы такие разные и который из них «лучше».

Summary

A.A. Dolinina. Russian Translations of the Qur'an in the 20th Century: A Brief Description.

In this article, we compare the basic principles that underlie five complete Russian translations of the Qur'an, made during the 20th century. We reveal that: 1) the translation by I.Yu. Krachkovskii is characterized by philological accuracy and the compliance with the historical epoch, and it has preserved its value up to our days; 2) M.-N.O. Osmanov sought the clarity of the text of the Muslim Holy Book; 3) B.Ya. Shidfar tried to exactly convey not only the factual side of the Qur'an but also its artistic features; 4) the versifications by V.M. Porokhova and T.A. Shumovskii distort the text of the Qur'an from all points of view. In conclusion we present five translations of Surah 101 "Al-Qari'a".

Keywords: Qur'an, translation, tafsir, surah, ayah.

Источники

- I – Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М.: Наука, 1986. – 727 с.
II – СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук).
Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 285.

- III – СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 300.
IV – Священный Коран: Страницы вечных мыслей / Поэтич. пер. с араб. Т. Шумовского. – М.; СПб.: АСТ: Северо-Запад Пресс, 2004. – 534 с.
V – Коран / Пер. и коммент. М.-Н.О. Османова. – М.: Ладомир, 1995. – 580 с.
VI – Коран / Смысловой пер. проф. Б.Я. Шидфар. – М.: Умма, 2003. – 688 с.
VII – Коран / Пер. смыслов и коммент. В. Пороховой. – М.: Аль-Фуркан, 1997. – 800 с.

Литература

1. *Резван Е.А.* Коран и его мир. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. – 608 с.
2. *Грязневич П.А.* О состоянии и перспективах развития арабистики в ЛО ИВ АН // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годовичная науч. сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщ.): в 3 ч. – М., 1977. – Ч. 3. – С. 6–18.
3. *Грязневич П.А.* Предисловие ко второму изданию // Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М.: Наука, 1986. – С. 3–14.
4. *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. – М.: Наука, 1991. – 219 с.
5. *Османов М.-Н.О.* От переводчика // Коран / Пер. и коммент. М.-Н.О. Османова. – М.: Ладомир, 1995. – С. 5–6.
6. От редакции // Коран / Смысловой пер. проф. Б.Я. Шидфар. – М.: Умма, 2003. – С. 3–4.
7. *Шидфар Б.Я.* Послесловие переводчика // Коран / Смысловой пер. проф. Б.Я. Шидфар. – М.: Умма, 2003. – С. 680–685.
8. *Крачковский И.Ю.* Испытание временем. Мысли к 45-летию научной работы // Петерб. востоковедение. – СПб., 1996. – Вып. 8. – С. 564–596.
9. *Порохова В.М.* Вступление (от переводчика) // Коран / Пер. смыслов и коммент. В. Пороховой. – М.: Аль-Фуркан, 1997. – С. 7–16.
10. *Шумовский Т.А.* Слово о Коране // Священный Коран: Страницы вечных мыслей / Поэтич. пер. с араб. Т. Шумовского. – М.; СПб.: АСТ: Северо-Запад Пресс, 2004. – С. 3–26.

Поступила в редакцию
26.09.12

Долинина Анна Аркадьевна – доктор филологических наук, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: islamkfu@gmail.com